

Кружок

Журнал Мюнхенских Скаутов

От редакции:

Хотя наш журнал и рассылается во многие страны мира, все-же он в первую очередь является журналом мюнхенских скаутов, которые и призываются не только читать его, но также охотно присылать свои произведения.

АПРЕЛЬ 88 ГОДА

К Т О З А С Т А В И Л ?

Мне уже много раз приходилось говорить и писать о наших политических заключенных, томящихся в тюрьмах, концлагерях, психбольницах общего и специального типа.

И каждый раз я концентрировал всё свое внимание на правозащитном характере деятельности политического заключенного. И как-то всегда за бортом оказывалось не менее важное - семейное положение политзаключенного.

Ведь у очень многих узников совести есть семьи, родные, близкие, дети ... И пока политзаключенный отбывает свой срок, вместе с ним страдают и его близкие, члены его семьи, его дети.

Дети, пожалуй, страдают больше, чем взрослые. Даже в тех случаях, когда они из-за своего возраста понять этого не могут.

Помню, когда меня первый раз, в сентябре 70-го года поместили в психбольницу, моей дочери Николаевой Ине было только два годика. Как она могла воспринять мое неожиданное исчезновение из дома? Как можно было ей, в её двухлетнем возрасте объяснить, что я попал в психбольницу за то, что на работе не ходил на политзанятия, не был на коммунистическом субботнике и отказался взять сокобязательства в честь 24-го съезда КПС ?

Как ей было объяснить, что меня уволили с работы, что я лишен возможности зарабатывать деньги, чтобы содержать ее и кормить.

В мае 72 года мне удалось бежать из психушки и побыть на свободе три дня. Я встретился с дочкой, которой к тому времени было уже четыре года. И когда я у нее спросил: "Иночка, ты знаешь, кто к тебе пришел", то она ответила - "Не знаю".

Наша жизнь действительно пошла разными путями. Меня периодически за упорное нежелание отказываться от моих убеждений и за правозащитную деятельность сажали по психушкам, а дочка тем временем - росла. Она ходила сначала в детский сад, где ей читали "Детские и школьные года Ильича". Потом пошла в школу, где на уроках Родной речи читала про Таню-революционерку. Была октябренок, вступила в пионеры.

В четвертом классе в учебнике "Рассказы по истории СССР" она узнала о пионере Павлике Морозове, про которого в учебнике говорится:

"Когда в его деревне Герасимовке был создан первый пионерский отряд, Павлика избрали председателем совета отряда. Павлик был честным и отважным мальчиком. На собрании жителей деревни он смело выступил

против кулаков, которые прятали хлеб, чтобы не сдавать его государству".

К сожалению, учебник по истории СССР для четвертого класса умалчивал о том, что пионер-герой Павлик Морозов предал также и своего отца.

Впрочем, советский поэт Сергей Михалков в своей "Песне о Павлике Морозове" говорит об этом более определенно:

Узнавал врага Морозов Павел.
И других бороться с ним учил.
Перед всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил.

Вот на таких художественных перлах воспитывалась моя дочь в школе, в своей пионерской дружине. Такие прививали ей морально-этические понятия воспитатели.

Ну а как же я ?

В мае 80 года я был вынужден эмигрировать из Советского Союза. Поселившись в Мюнхене, я и дальше продолжал заниматься правозащитной деятельностью: писал статьи о советских политзаключенных, был на 3 Всемирном Конгрессе по биопсихиатрии в Стокгольме летом 81 года и 5 Всемирном Конгрессе Психиатрической Ассоциации летом 83 года. Ну и конечно, сделал все возможное для публикации своей книги "Предавшие Гиппократа", которую я написал еще в Советском Союзе.

А моя дочь, оставшись в СССР, вступила в комсомол, продолжает учиться в школе, где узнает, что Советский Союз - самое передовое и самое свободное государство мира. В школе ведь не информируют учеников ни об интервенции против Афганистана, ни о советских психушках, ни о советских узниках совести...

К чему это привело ? Как все это воспитание отразилось на моей дочке? Как она относится ко мне, своему отцу, бывшему политзаключенному, а ныне - политическому эмигранту ?

Три года она мне регулярно писала письма и радовалась, когда что-то приходило ей от меня - будь-то открытка, письмо, бандероль, или же посылка.

Но вот с осени прошлого года она неожиданно прекратила мне писать, несмотря на то, что я со своей стороны писал ей много и часто. Что-же случилось ?

Совсем недавно я получил от нее письмо, в котором она пишет мне:

"Папа, я не отвечаю на твои письма и впредь не буду отвечать. И вот почему. Ты написал антисоветскую книгу и даже рекламируешь ее по радио. Как я узнала, ты и сам выступал и выступаешь по радио с нападками на мою Родину.

Когда ты жил еще здесь, то совершал тяжелые поступки, которые не имеют отношения к твоим убеждениям. Чтобы спасти тебя от ответственности за тяжелые проступки вовсе не

политического, а бытового характера, тебя отправляли лечиться к врачам, которых ты охаил на весь мир".

Кто заставил мою дочку, десятиклассницу, написать мне такое письмо? Комсомольские ли ретивые активисты, или не в меру вежливые и культурные сотрудники госбезопасности? Отсюда, не зная деталей, судить об этом трудно.

Впрочем, сама Инесса утверждает, что ее никто не заставлял писать мне такое письмо. Она прямо так и пишет мне далее:

"Я взрослый человек и с полным сознанием, и по своей воле отказываюсь от такого отца как ты".

Но даже если в данном конкретном случае комсомольские активисты и не причем, все равно нельзя утверждать, что Инесса в свои 17 лет написала это письмо мне полностью добровольно.

На ней сказались вся система советского воспитания: детские сады и школы, влияние пионерской и комсомольской организаций. В этом письме виновны все ее учителя, вся система советского воспитания и отработанная в Советском Союзе методика формирования человека коммунистического будущего.

Я не виню свою дочь за такое

письмо. Как можно винить подростка, только вступающего в жизнь?

Но на данном примере, своем личном, я хочу продемонстрировать то, как в Советском Союзе нарушаются права наших узников совести.

Когда узник совести отбывает свой срок, он в мыслях своих старается отвлечься от действительности, вспоминает о своих детях, которых он вынужден был оставить одних. И в его представлении они остаются такими же малыми и несмышленными, какими он запомнил их в день своего ареста.

А когда он дожидается-таки своего освобождения через много лет, то в условиях советской действительности слишком велика вероятность горечи и разочарования, ибо дети встречают освободившихся родителей часто как своих личных врагов, потому что государство, советская система воспитания и образования, сумели за время отсутствия отца или матери, внушить подрастающему маленькому человеку, что его отец или мать - враг народа.

Лишая узников совести свободы, власти в Советском Союзе делают все возможное для того, чтобы лишить их также и детей. Физически и духовно.

П О Х О Д Н Е В Р А С Т Е Н И К О В

В этот день я был в очень хорошем настроении - это был мой первый двухдневный поход !

Когда мы упаковывали наши вещи, то были маленькие препятствия с моим спальным мешком. И как только мы его упаковали, я вдруг вспомнил, что мои запасные туфли под ним.

- Ничего,- сказал Смес,- не сьрашно.

- Это ты сейчас говоришь, а потом ... - запротестовал Эмануил, который помогал вталкивать мой спальный мешок.

Но Смес не обратил внимания на его басни. Он ведь знал лучше. Мы были готовы и направились к кухне за продуктами.

Перед тем как отправится в поход, Йети провел нашему звену смотр и конечно заметил маленький недостаток - мою обувь ! С этого все началось ! Пришлось вытаскивать мой спальный мешок, брать (в будущем проклятые) ботинки, снимать резиновые боты, надевать ботинки и укладывать спальный мешок. По лицу Смиса

я понял, что он был очень раздражен, но он ничего не говорил, потому что боялся, что Эмануил будет его упрекать своими баснями.

Но всему когда нибудь приходит конец - я был готов и наконец-то мы отправились в поход.

Теперь начались мои приключения ! После десяти минут ходьбы мы остановились и все кроме меня, сожрали с больши аппетитом все мясо, в том числе и мое. Я съел только сыр. Смес оглянулся и сказал, что нас догоняют "Летучие мыши", и мы поторопились, чтобы не встречаться с этими женщинами.

Мы шли. Была хорошая погода, но то и дело на нас налетали дождевые облака. Странно было смотреть на тени, которые к нам летели, мочили нас и улетали.

Мы шли гуськом - впереди спешил Алексейка, за ним Смес с Эмануилом, потом я, а позади всех Миша Габович. Но спешка мне скоро надоела и я стал нарочно отставать. Когда я был рядом с Мишкой, я с ним заговорил. Во время пути мы часто

спорили от кого произошли слоны, об инопланетянах и на тему: "Можно ли за всю свою жизнь истратить миллиард долларов, не раздавая их - бедным, голодающим и т.д."

Когда другие нас ожидали, я уже предчувствовал опасность. Алексейка все время набрасывался на меня с тем же вопросом - "Почему ты не идешь быстрее?" - и я оправдывался тем, что у меня болят ноги.

Так мы шли пока перед нами не появился холмик. Смирис смело пошел вперед. Когда мы уже были на верхушке, вдруг снизу послышался лай, стадо собак Колли подбежало к забору и начало нас обтягивать. Вожаk стада бросился к выходу и побежал к нам навстречу. Колли укусила меня в рюкзак и подумав, что я умер, принялась за Смириса - со всего разгона она кинулась на его ногу и цапнула... Раздался крик умирающего, но тут подошла хлзайка. Смирис сразу начал ее спрашивать, не бешеная ли собака? Но собака оказалась не бешеной. Потом все разбежались, кроме меня. Я начал гладить ее и она виляла хвостом. Сама она выглядела старой - вся седая.

День уже подходил к концу. Но вдруг подъехала машина и из нее вышел Дельфин. Он начал разговаривать со Смирисом, а я сел на забор.

Потом Дельфин перевязал какой-то грязной тряпкой (галстуком) Мишке ногу и уехал.

Мы пошли дальше, пока Смирис наконец-то не подумал о ночлеге и мы начали попрашайничать у бауров переночевать на поле. Но у многих трава была не скошена и, проклиная ленивцев, мы плелись дальше. Но вдруг мы увидели крестьянина, который косил траву, и бросились к нему с последней надеждой! Мы шли до тех пор, пока не расселись и оставили бежать одного Смириса. При закате солнца взобравшись на холм, Смирис выглядел как великан. Мы начали спорить скажет ли крестьянин да или нет. Я сказал нет, Мишка - не знаю, Эмануил - не помню, а Алексейка - да. Когда великан повернулся и начал приближаться к нам, издали послышалось громовое - "да-а!" Алексейка завизжал, начал прыгать и веселиться, и орать - "Что я говорил? Да. А что ты скажешь? Нет". И начал танцевать будто выиграл в лотерею.

После того, как мы расправили наши палатки, мы принялись за еду. Хотя я очень долго шел, мне все равно не очень хотелось кушать. Но я допустил маленькую шалость и съел кусочек колбасы и дал себе слово, что после лагеря больше не буду дотрагиваться до мяса (но опять не выдержал и съел несколько консервов рыб). Перед сном мы поиграли в игру и заснули.

Меня разбудили примерно в 5 часов 20 минут. Мы начали сразу делать зарядку, позавтракали и сразу же отправились дальше.

Наконец мы пришли к церкви, где нужно было спросить священника, что он думает про православие. Смирис сказал:

- Я с Алексейкой пойду в церковь, ктонибудь будет охранять наши вещи, а Эмануил и еще кто-то пойдет в магазин.

- Это буду я! - хотел я сказать, но не успел открыть рот - эти слова уже сказал Мишка.

Он сел, чтобы быстро отдохнуть посреди скамейки со столом и не заметил, как его окружили рюкзаки. Когда Эмануил отправился в магазин, я поспешил за ним, не обращая внимания на стоны и крики Габовича, который старался выбраться из рюкзаков и все-таки нас догнал и начал требовать справедливости. Тут Эмануил достал 10 пфеннингов, подбросил их и упала моя сторона.

Пробормочав себе под нос "Гадость", Мишка заковылял охранять наши вещи. Купив 2 литра Колы и 2 плитки шоколада ("на мои деньги!" - заявил Эмануил), мы съели и выпили половину нашего провианта.

Вернулся Смирис и сказал, что священника в церкви не было и мы поплелись дальше.

Было примерно 9 часов и мы уже взбирались на нашу цель. Вдруг я

заметил, что мой первый ботинок начинает рваться. Мы шли по тропе и скоро она начала раздваиваться, но Смирис сказал, что нужно остаться на старой тропинке. Скоро тропинка опять стала раздваиваться, теперь Смирис пошел по новой тропинке, и мы скоро вышли на большую дорогу. Тут Смирис посмотрел на карту и ... Волосы поднялись у него дыбом.

- Мы потеряли 5 минут!! (5 или 15 - не помню).

Оказалось, что когда дорога в первый раз раздваивалась, нужно было идти по ней, а не по второй. Смирис же сделал наоборот. И он начал рассказывать и объяснять, и окончил он так:

- ...а мы, как кретины, прошли правильную дорогу и на этом потеряли много времени!

- Мы неврастеники, - добавил Эмануил.

Теперь, когда мы находились на большой дороге, нужно было узнать где мы находимся. Смирис сказал, чтобы кто-нибудь из нас забежал посмотреть, что находится в конце большой дороги. Я сказал, что мог бы это сделать, но не с такими ботинками. Смирис взглянул на мои ноги. Как только он увидел тоненькие, хромящие и окровавленные лапочки бедного мальчика, его лицо перекошилось и он сказал:

- Что нам теперь делать? Но я ему объяснил, что уже долго так

шел и это не страшно, я еще выдержу.

Скоро мы стояли перед последней горой, которую нам нужно было превзойти. Здесь уже началась настоящая боль в ноге. Мой большой палец все время соскальзывал с ботинка и я был рад, что мы скоро достигли цели - высокую вышку, на которую сейчас-же взобрались. Смир приказал нам наверху не баловаться, потому что на большой высоте у него кружится голова. Мне интересно было наблюдать большого человека, который еле-еле со ступеньки на ступеньку переваливается. Наверху я хотел узнать, куда упал бы человек, если бы сбросился с башни. Я, поразмыслив немного, придумал кого можно было сбросить! Мою куртку! Но Смир и слова об этом слышать не хотел. Он объяснил, что куртка может улечься легко на дерево (но мне кажется, что куртку забросить он мне из-за другой причины не разрешил). Но все-таки я ее сбросил, и она приземлилась прямо в лужу! "Какая неприятная смерть! - подумал я, - несчастье тому, кто упал бы сюда!"

Теперь нам предстоял самый тяжелый и в то-же время самый легкий путь. Мы собрали наши вещи и отправились обратно в лагерь.

Мы шли обратно. Вдруг я с ужа-

сом заметил, что второй ботинок начинает подражать первому!

Когда мы очутились на более хорошей, но зато пыльной дороге, перед нами выседал мост. Смир погладил нас по головке, говоря, что мы уже были на реке Остерили Мюллербахе. Но потом выяснилось, что это не Остерили Мюллербах, а совсем нормальная речка. Но мне это было все равно. Я опустил свои бедные ноги в воду и закрыл глаза. "Мы даже четверти не прошли!" - шептал я себе под нос.

Скоро мы дошли до нашего Остербаха - самодельному каналу и дошли до дощечки, где рассказывалась история Остербаха. Раньше там росли стволы деревьев, а куда, я не помню. Потом там говорилось еще о какой то запруде.

Мы зашли в маленький лес. Вдруг нам навстречу идут путешественники. Постепенно я стал видеть их очертания. Дельфин!! А я в таких башмаках!

После того как Смир отдал рапорт, Дельфин повернулся ко мне. Он оглядел меня с головы до ног. На ногах он остановился... Потом, поболтав со Смиром, он дал ему ключи от своей машины и сказал, чтобы Смир достал ботинки, которые лежали в ней.

Я чуть не разревелся! Что? Почему я вдруг должен надевать чу-

жие боты? А? Почему? Я герой путешествия был и останусь! Но произносить эти слова не собирался.

Мы скоро пришли к тому месту, где находилась машина. Мы ее 5 раз перерыли, но ботинок не нашли. Поэтому Смирис написал на кусочке бумаге: "В этой машине столько же башмаков, сколько у меня во рту небоскребов!"

После того, как мы прикрепили этот листочек к машине, мы пошли дальше.

Прошло примерно 2 часа и мы скоро оказались у нашей следующей цели - отеле Бауер или Майер - не помню. Смирис с Алексеем пошли спрашивать кока о его блюдах. А я свалился рядом с дорогой, как бродяга и попробовал даже заснуть. Но как только увидел жвачки в руке Алексейки, сразу проснулся. Эти жвачки меня подбодрили, так что я смело пошел вперед, но через 30 минут жвачка стала сухой, как моя глотка, так что я ее безаппетитно выплюнул.

Мы подошли к искусственному озеру. Там плавали форели и мы с ними щедро поделились нашей едой. Мне даже удалось несколько схватить, но не поймать. Потом пришел их хозяин и дал им рыбьей еды (нам тоже). Похож был их обед на наш завтрак с Нутеллой, когда приходилось ее охранять. Видно было как рыбы из-за корма дрались.

Последние часы нашего путешествия - самые легкие и самые трудные, ведь не каждый бы пошел с голыми ногами по гальке. Действительно, не каждый это бы сделал. Ужасно! Каждый второй шаг мне вонзался камень в ногу, а меня еще Смирис подгонял своими криками - "Федя, Федя!" Если бы я мог, я бы добежал до него и крикнул бы ему так крепко в ухо имя Смирис, что у него бы все двадцать перепонки лопнули. Но бежать я не мог - к его счастью. Но скоро я их догнал, потому что они меня подождали.

Но наконец мы увидели знакомые крыши! Нойрайхенау!! Если бы эта деревня была бы человеком, я бы его расцеловал до смерти, ведь я все-таки дошел до лагеря.

Теперь перед нами лежала дорога, которую строили. Жара была ужасная, и для моих ног это была новая пытка. Я так искал своими глазами лужу, чтобы облегчить тяжесть моим ногам. Но что такое!? Неужели этот бесенок Мишка загрязняет своими лапами мою лужу! Я поспешил навести порядок, но подойдя ближе, понял, что Мишка застрял в трясине. Подбежал Смирис, чтобы узнать в чем дело, и спас Габовича. А я хотел перепрыгнуть трясину, но вместо того, чтобы попасть на хорошую почву, угодил в трясину, но Смирис меня тоже спас. Но мой ботинок ушел очень глубоко под грязь и когда мы его вытащили, он уже никуда не годился. Похоже было, что застрявший ботинок сделан из грязи. Но для чего такой ботинок?

И Л Л Ю С Т Р А Ц И Я

Ж И З Н И В

Л А Г Е Р Е

" П Е Т Р О Г Р А Д "

Пример трудолюбия -
белочка Маша Пахомова

Новый метод постройки
костра ...

Для этого надо взять
раскладной стульчик и,
усевшись поудобнее, не спеша,
веточка за веточкой, сложить
костер ...

Волчатская точка-
эвергрин - "Малашка
и Андриашка"

БЕЛОЧКИ

... перед
смотрим ...

и мерзнушие...

Переизбыток гордости и радости у новоиспеченных третьеразрядников:
Алеша Мюльберг, Валя Смирнова, Федя Ильин, Миша Габович. Вова Зайцев,
Вера Петерсон, Эмануил Перт

Один из редких лагерных дней, когда спевку можно было устроить
"на солнышке"

"Старший защищает младшего", особенно если его укусили осы, как случилось с бедным волчонком Лёкой перед отъездом из лагеря

Разные способы
подписания
автографов на
кусочке лагерной
мачты

Обыватели лагеря "Петроград" перед отъездом

... Как обойти ОВИР? ...

О том, что наши скауты иногда тяжелы на подъем, говорилось и писалось уже не раз. Но к сожалению это пожалуй общая черта всей сегодняшней молодежи, которая, как кажется, старается придерживаться принципа - не делай сразу того, о чем тебя просили только один раз.

Но это, как говорится, только "присказка", а речь пойдет тут о другом.

Вот уже несколько лет подряд делегация нашего отряда ездит весной во Францию, в местечко Мурмелон под Парижем, на русское военное кладбище, где ежегодно служитя панихида и устраиваются парады.

Собрались мы туда и весной прошлого года. Но на этот раз, как всем известно, французское правительство из-за разных там террористов и прочих сомнительных персон, решило пускать к себе только тех, у кого есть разрешение, точнее - виза.

Ну, хотя наши скауты к вышеуказанной категории и не относятся, но всетаки визы им оказалось нужно. Поэтому и было сказано всем

рвущимся в Мурмелон, что мол, ребята позаботьтесь своевременно об этих самых визах.

Сказано это было за 4 месяца до поездки.

Через месяц наводятся справки ... Оказывается, что никто, ничего еще не сделал, так как визы то эти выдаются мол в течение недели ...

Зная, что не совсем так, прошу одну старшую разведчицу достать во французском консульстве хотя бы необходимые анкеты.

Через месяц выясняется, что анкеты выдаются только по предъявленным паспортам ...

Остается уже только 2 месяца.

В дело включается специалист ходьбы по всяким учреждениям - Горностай. Первым делом он умалывает всех принести хотя бы паспорта в воскресенье в церковь, а он уже достанет анкеты и т.д. Паспорта принести. Но не все. Один разведчик обещал придти в другое воскресенье. Пришел. Но паспорт забыл ...

Наконец анкеты были добыты. Но теперь их еще надо заполнить, да еще по французски...

Но не прошло и двух недель, как довольный проделанной работой Горностай, вручает кипу анкет, фотографий и паспортов чиновнику в консульстве и тут же с ужасом наб-